

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/355753338>

'Industry of countries of Central Eastern Europe in the crisis conditions', in: The crisis in the European Union: consequences for CEE Countries / 'Промышленность стран Центрально-...

Chapter · December 2020

CITATIONS

0

READS

23

1 author:

[Mikhail Lobanov](#)

Russian Academy of Sciences

107 PUBLICATIONS 301 CITATIONS

[SEE PROFILE](#)

Глава 2

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ**

Финансово-экономический кризис, разразившийся в конце первого десятилетия текущего века, поколебал казавшиеся незыблемыми устои экономического либерализма и привел к «тектоническим сдвигам» в системе целеполагания органов государственной власти ведущих мировых держав. В числе наиболее обсуждаемых экспертным сообществом и политическим истеблишментом вопросов – упреждающие меры по смягчению возможных последствий новых кризисов за счет активной государственной политики в сфере материального производства.

Анализируя трансформации в сфере промышленной политики, произошедшие в посткризисный период в Европейском союзе и странах ЦВЕ, ставших его членами, следует исходить из основных положений разных коммуникации Еврокомиссии и сопутствующих документов. Промышленная политика ЕС в ее широком понимании включает большое число элементов, связанных с общей социально-экономической политикой, таких как повышение конкурентоспособности стран-членов, увеличение их инновационного и образовательного потенциала, осуществление цифровизации производства и общественных отношений, снижение ресурсоемкости экономики и т.д.

Оценивая последствия влияния кризиса на развитие промышленного потенциала стран ЦВЕ необходимо в первую очередь указать на изменение роли промышленной политики в системе стратегического планирования. Результаты управленческих решений будут в перспективе иметь большее влияние на пространственную и отраслевую конфигурацию промышленности, чем кратковременное ухудшение финансовых и производственных показателей предприятий, столкнувшихся в конце 2000-х гг. со сжатием внешнего и внутреннего спроса.

Особенности промышленной политики Евросоюза и его новых стран-членов

Европейский союз пытается быть в авангарде процесса форсированной индустриализации, причем широкая трактовка понятия промышленной политики позволяет его функционерам разрабатывать и внедрять инициативы, касающиеся различных сфер социально-экономического развития – от снижения экологической нагрузки до цифровизации производства. Активность Брюсселя обусловлена в том числе потерей конкурентных преимуществ в отраслях традиционной промышленной специализации и постепенным вытеснением европейских предприятий из средних и верхних звеньев международных цепочек добавленной стоимости. Повышение инновационного потенциала стран – членов Евросоюза, являющееся ключевым элементом стратегии «Европа 2020», возможно лишь при условии сохранения образовательных и научно-технологических компетенций, применяемых в промышленности. Кроме того, ряд экспертов приводит факты, подтверждающие относительно успешное преодоление кризисных явлений именно теми странами ЕС, которые не отказались от системообразующей роли промышленности в хозяйственном развитии¹. Европейские функцио-

1. *Stöllinger R., Foster-McGregor N., Holzner M., Landesmann M., et al.* A 'Manufacturing Imperative' in the EU – Europe's Position in Global Manufacturing and the Role of Industrial Policy // WIIW Research Reports. October 2013; *Reiner C.* Play it again, Sam: die Renaissance der Industriepolitik in der Großen Rezession // *Wirtschaft und Gesellschaft*. 2012. No. 38(1). S. 15–56.

неры утверждают, однако, что «неоиндустриальная» повестка не означает возврат к промышленному протекционизму на национальном и наднациональном уровнях, а концентрируется на вовлечении вторичного сектора экономики в орбиту наднационального стратегического планирования.

Противостояние приверженцев и противников активного вмешательства государства в экономику, продолжающееся с переменным успехом уже многие десятилетия, не в последнюю очередь касается промышленной политики. Разработанные МВФ и Всемирным банком рекомендации Вашингтонского консенсуса привели к замещению прямых инструментов промышленной политики в развитых странах косвенными (или «мягкими»). В рамках формирования так называемой нейтральной промышленной политики в 1990-е гг. в ЕС стали разрабатываться «горизонтальные» инструменты, предполагающие минимальную вовлеченность государства и опосредованное воздействие на производственную активность за счет создания рамочных условий деятельности предприятий. Повышение конкурентоспособности в сочетании с сохранением свободно функционирующего рынка стало основным принципом законодательных инициатив Евросоюза. Предшествующая практика получила название «вертикального» (секторального, отраслевого) подхода: с ней стали связывать негативный опыт селективной поддержки стратегических секторов, межотраслевого и межрегионального перераспределения ресурсов и другого рода государственных интервенций. «Размывание границ» между данными подходами и признание того факта, что горизонтальная политика может быть не только рамочной, но и точечной, привели к переосмыслению промышленной политики ЕС. В рамках нового подхода предлагается проводить индустриализацию с помощью координированных действий различных стейкхолдеров (в первую очередь, частных предпринимателей и государственных органов).

Представление об основных положениях общеевропейской промышленной политики в XXI в. дают стратегические документы развития ЕС и коммюнике Еврокомиссии (ЕК),

посвященные неоиндустриализации. Принято считать, что апогей «пассивной» промышленной политики ЕС пришелся на середину 2000-х гг., несмотря на выход в свет в 2004 и 2005 гг. коммюнике ЕК о важности обрабатывающей промышленности и необходимости достижения ряда целей, поставленных в Лиссабонской стратегии 2000 г. В новом десятилетнем плане развития – Стратегии «Европа 2020» – были заложены основы посткризисного подхода к «промышленной политике для эры глобализации», в том числе приоритет горизонтальных инструментов и приверженность Европейскому единому рынку, ускорение цифровизации экономики и объединение усилий в так называемом Инновационном союзе².

Общие положения Стратегии «Европа 2020», касающиеся промышленного развития, разъяснены в документе ЕК «Интегрированная промышленная политика...», который вышел в 2010 г.³ Его авторы подробно останавливаются на роли так называемых ключевых поддерживающих технологий (Key Enabling Technologies, KETs)⁴, применение которых должно повысить энергоэффективность и избежать климатических изменений, вызываемых хозяйственной деятельностью. В коммюнике ЕК от 2012 г. («Более сильная европейская промышленность...») выделены десять приоритетных мер развития вторичного сектора экономики, по умолчанию имеющих «горизонтальный» характер (поддержка МСП, диверсификация источников энергии, повышение качества трудовых ресурсов, «умная специализация» и т.д.)⁵. Эксперты,

-
2. Инновационная компонента внутренней экономической политики ЕС, согласно некоторым оценкам, имеет более чем тридцатилетнюю историю формирования. Известное доминирование «инновационности» в промышленной повестке позволяет ряду экспертов утверждать, что Евросоюз проводит не промышленную, а именно инновационную политику (*Van Pottelsberghe V. Europe's R&D: Missing the wrong Targets? // Bruegel policy brief. 2008. Issue 3*).
 3. Communication from the Commission: An Integrated Industrial Policy for the Globalisation Era—Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage. European Commission, Brussels, 28.10.2010. COM(2010) 614.
 4. К ним относят микро- и нанoeлектронику, фотонику, новые (передовые) материалы, нанотехнологии, биотехнологии, передовые технологии обрабатывающей промышленности.
 5. Communication from the Commission: A Stronger European Industry for Growth and Economic Recovery. European Commission, Brussels, 10.10.2012. COM(2012) 582.

подготовившие коммюнике ЕК от 2017 г. («Обновленная стратегия промышленной политики ЕС»), делают акцент на объединении усилий для решения экологических проблем, в том числе за счет «цифровизации и перехода к низкоуглеродной экономике замкнутого цикла»⁶.

В марте 2020 г. вышло в свет коммюнике ЕК с многообещающим названием «Новая промышленная стратегия для Европы», в котором отмечается «центральная роль [промышленности] в будущем прогрессе» и определены три приоритета развития – поддержка глобальной конкурентоспособности промышленности ЕС и выведение ее на лидирующие позиции в мире, цифровизация и переход к «климатически нейтральной» экономике (climate-neutrality)⁷. Возможные экологические последствия производственной деятельности вновь находятся в центре внимания авторов этого документа, выступающих за имплементацию принципов экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) и заявляющих о стремлении сделать Европу к 2050 г. «климатически нейтральной» частью света. Примечательно, что, несмотря на дежурные пассажи об открытости Европы миру, важное место в коммюнике занимает тезис о необходимости «промышленной и стратегической автономии», т.е. снижения зависимости от зарубежных технологий, материалов и даже продуктов питания. Отметим, что в документе впервые вводится понятие «промышленных экосистем» (industrial ecosystems), включающих всех участников производственных цепочек вне зависимости от их размера или специализации.

Входящие в Евросоюз страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, очевидно, не остались в стороне от процесса формализации отношений государства и промышленных производителей. Отметим, что большинство стран

6. Communication from the Commission: Investing in a smart, innovative and sustainable Industry – A renewed EU Industrial Policy Strategy. European Commission, Brussels, 13.09.2017. COM(2017) 479.

7. Communication from the Commission: A New Industrial Strategy for Europe. European Commission, Brussels, 10.03.2020. COM(2020) 102.

региона и перед кризисом развивались благодаря быстро растущим за счет притока иностранного капитала экспортно-ориентированным отраслям, формировавшим «опорный каркас» промышленности. Несмотря на различия в моделях экономического роста между этими странами и государствами «старой Европы», национальные программы промышленного развития весьма схожи, а в качестве образца используются коммуникации Еврокомиссии и стратегии, разработанные ведущими индустриальными державами ЕС (например, немецкая *Industrie 4.0*). Следует отметить, что возврат к активной промышленной политике в наиболее развитых странах Европы может свести на нет многолетние усилия государств ЦВЕ по внедрению в средние и верхние звенья глобальных и региональных производственных цепочек.

С начала 1990-х гг. страны ЦВЕ и ЮВЕ опирались в своем развитии на имитационную модель, в том числе и в создании формальных институтов. Принципы «*laissez-faire*» в отношении государственного управления экономикой соблюдались с большим тщанием, нежели в некоторых развитых странах Европы. Декларативный отказ от протекционизма тем не менее сопровождался в ряде стран реализацией программ по стимулированию притока ПИИ и поддержке малого бизнеса (например, в Чешской Республике или Венгрии), что можно, при определенных допущениях, считать мерами «пассивной» промышленной политики. Укоренение «горизонтального» подхода к промышленной политике в ЕС способствовало появлению его отдельных элементов в стратегических программах стран-кандидатов в первой половине 2000-х гг. (вначале в государствах Вишеградской группы – к примеру, венгерский «План Сеченьи» 2000 г., польский Национальный план развития на 2007–2013 гг. и т.п.)⁸. Повышение роли промышленной политики в странах ЦВЕ и ЮВЕ после кризиса также стало следствием продвижения официальным

8. Török Á., Csuka G., Kovács B., Veres A. The “resurrection” of industrial policy in the European Union and its impact on industrial policy in the New Member Countries // *WWWforEurope Working Paper*. 2013. No. 26. Vienna.

Брюсселем идеи неоиндустриализации, причем разрабатываемые ими документы концептуально схожи с общеевропейскими (нацеленность на повышение наукоемкости и снижение ресурсоемкости производства, развитие инновационного потенциала, упрочнение позиций малого и среднего бизнеса, формирование основ для цифровизации и т.п.).

В связи с рассматриваемой проблематикой внимания заслуживают пространственные аспекты промышленной политики, в частности, кластерная политика. Программы поддержки территориальных и отраслевых кластерных инициатив в странах региона были впервые сформулированы в большинстве своем накануне экономического кризиса. Формирование кластеров в них увязывалось с развитием сферы НИОКР, поэтому акцент делался на повышении конкурентоспособности хозяйства за счет инновационных кластеров и объединенных в сети технопарков, хотя на практике возникали прото-кластерные образования из средне- и низкотехнологичных предприятий. Таким образом, можно говорить о несоответствии декларируемых целей и задач фактическому уровню инновационного потенциала. В числе стран ЦВЕ и ЮВЕ, внедривших элементы кластерной политики в национальные программы развития, можно указать Чешскую Республику (программа «Промышленность и предпринимательство», 2005 г.), Польшу («Стратегия повышения инновационности экономики в 2007–2013 гг.», 2006 г.), Венгрию (2007 г.), Болгарию (2004 г.) и Румынию (2010 г.). В отличие от них в ряде стран формальная поддержка кластеров была прекращена или приостановлена – например, в Словении (программа действовала в 1999–2004 гг.) и Словакии (программа выполнялась в 2005–2009 гг.)⁹.

9. Barsounian S., Severin A., van der Spek T. Eco-innovation and national cluster policies in Europe – a qualitative review. European Cluster Observatory, 2011. www.greenovate-europe.eu/sites/default/files/publications/ECO_Greenovate%21%20Europe%20cluster%20policies%20%282011%29.pdf.

Основные показатели развития промышленности ЦВЕ и ЮВЕ в XXI в.

Экономический рост во многих странах региона в значительной степени зависит от состояния производственных и непроизводственных отраслей, вовлеченных во внешнеэкономическую деятельность. Поэтому основным каналом распространения кризисных явлений в ЦВЕ и ЮВЕ принято считать резкое сокращение внешнеторговых операций, обусловленное сужением спроса на рынках основных стран-партнеров в ЕС и снижением их хозяйственной активности в целом. Однако не все рассматриваемые государства отличаются высокой степенью зависимости от темпов валового накопления капитала и увеличения чистого экспорта. К примеру, в большинстве стран ЮВЕ, характеризующихся дефицитом капиталовложений и отрицательным внешнеторговым сальдо, в структуре потребляемого ВВП ведущую роль играют расходы домохозяйств на текущее потребление и товары длительного пользования (70–75% против 50–55% в развитых странах ЕС-15). Как известно, повышение уровня сбалансированности внешней торговли в первые годы после кризиса (в том числе благодаря восстановлению внешнего спроса) позволило многим странам ЦВЕ и ЮВЕ перейти к экономическому росту, основанному на положительных значениях чистого экспорта (его вклад в расширение ВВП достиг в отдельных случаях 5–10%).

Анализ особенностей развития промышленности рассматриваемого региона целесообразно начать с сопоставления темпов прироста производства до, во время и после активной фазы экономического кризиса. Сделаем акцент на обрабатывающей промышленности стран региона, поскольку ее отрасли характеризуются наибольшей степенью интернационализации и вовлеченности в трансграничные операции, а значит, и потенциально более высокой зависимостью от снижения хозяйственной активности в Евросоюзе в конце 2000-х гг.

Предкризисная «пятилетка» (2003–2007 гг.) стала этапом стремительного расширения объемов промышленного

производства в ЦВЕ и ЮВЕ: среднегодовые темпы прироста в обрабатывающей промышленности государств региона (за исключением двух из них) заметно опережали таковые в странах Евросоюза в целом (см. рис. 2.1). В Словакии, Чехии и Польше, опиравшихся на создание экспортных платформ за счет притока ПИИ, этот показатель достигал внушительных размеров – 10–15%. Сопоставимые результаты были достигнуты и в индустриально слабо развитой Албании, чей особый случай мы называем «вторичной (рыночной) индустриализацией» (по аналогии с социалистической индустриализацией стран СЭВ в 1960–1970-х гг.). Скромные показатели Сербии за рассматриваемый период объясняются послевоенной турбулентностью (амплитуда среднегодовых темпов промышленного прироста в первой половине 2000-х гг. достигала 45%), а в Черногории затяжной спад производства продолжался в течение нескольких лет после обретения независимости – за период 2007–2012 гг. только в 2011 г. темпы прироста оказались положительными¹⁰.

Для траектории роста обрабатывающей промышленности большинства стран региона на рубеже 2000–2010-х гг. характерно наличие «двойного дна» (траектория W) – отрицательные значения фиксировались в 2009 и 2012–2013 гг. Если не учитывать малые балканские страны с наименее развитыми и подверженными флуктуациям «автономными» промышленными системами, то первой из стран региона производственный спад испытала Венгрия – в 2008 г. (как и ЕС в целом). Сопоставимые с Евросоюзом объемы сокращения производства в 2009 г. (–14%) были зафиксированы, к примеру, в Венгрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Сербии. Следует отдельно упомянуть Польшу, где относительно низкий уровень экспортности производства, обуслов-

10. Впрочем, системный кризис в обрабатывающей промышленности Черногории, характеризующейся высоким уровнем производственной концентрации ввиду наличия единственного «флагманского» предприятия, по всей видимости, не является поводом для беспокойства руководства страны, озабоченного динамикой притока капитала в сферу туризма, строительства, гостиничного и ресторанного бизнеса и пр.

ленный емким внутренним рынком, позволил вторичному сектору экономики избежать серьезных потрясений: начиная с 2002 г. темпы прироста обрабатывающей промышленности ни разу не принимали отрицательных значений. «Вторая волна» кризиса в промышленности Евросоюза пришлось на 2012–2013 гг., после кратковременного восстановительного этапа. Примечателен тот факт, что среди стран ЦВЕ и ЮВЕ отрицательные темпы на протяжении тех же двух лет были зафиксированы лишь в Венгрии, Чехии, Словении и Хорватии. Повторный шок в 2012–2013 гг. оказался менее заметным, чем спад в 2009 г., во всех государствах региона, кроме Албании и Румынии¹¹. Средние темпы прироста в обрабатывающей промышленности ЕС в целом в 2008–2012 гг. были отрицательными, но сразу восемь стран региона прошли этот этап с меньшими потерями: к примеру, в упомянутой выше Польше среднегодовой прирост составил 6%, в Словакии и Чешской Республике – около 3–4%. С середины 2010-х гг. обрабатывающая промышленность стран ЦВЕ и ЮВЕ вновь стала расти, хотя и не такими высокими темпами, как до экономического кризиса. Очевидно, определенную роль сыграл и эффект «низкой базы», но считать случившийся на рубеже десятилетий W-образный спад в промышленности региона труднопреодолимым препятствием было бы весьма опрометчиво. В два–три раза быстрее, чем в Европейском союзе в целом, в 2013–2018 гг. развивались отрасли обрабатывающей промышленности в Словакии, Румынии, Северной Македонии и Албании (в среднем на 6–8% в год). Случаи отрицательных годовых темпов роста единичны и, по большому счету, связаны с форс-мажорными обстоятельствами¹². Заметно снизился и уровень флуктуаций, даже в странах, наиболее зависящих от конъюнктуры зарубежных рынков

11. В обеих странах в 2012 г. отмечены двузначные отрицательные значения темпов прироста обрабатывающей промышленности. В частности, в Румынии на продолжительность «второй волны» повлиял острый политический кризис – многомесячные массовые демонстрации, вылившиеся в организацию референдума об отставке президента.

12. Как, например, в Сербии в 2014 г. – в связи с наводнением в промышленном районе Колубара.

(таких как Словакия), и государствах с незрелыми промышленными системами (Черногории, Северной Македонии, Боснии и Герцеговины).

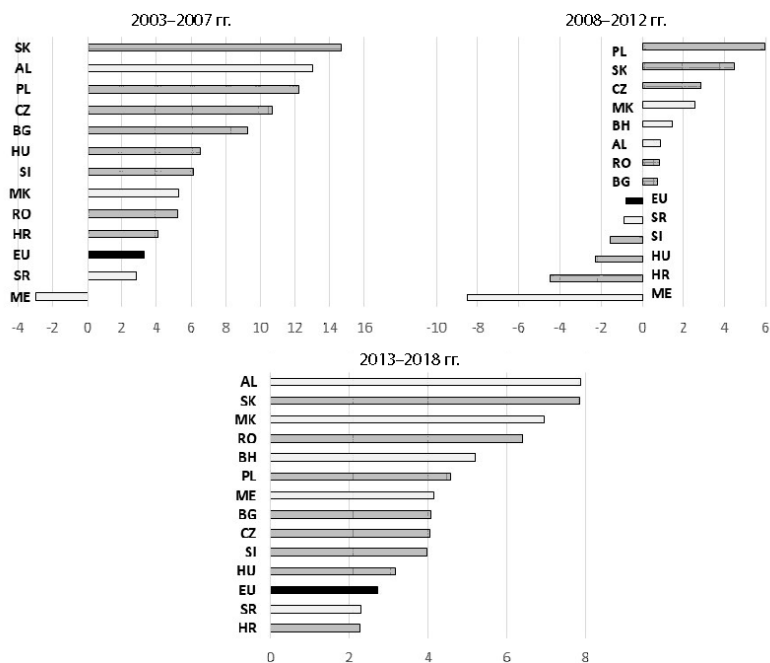

Рис. 2.1. Среднегодовые темпы прироста производства в обрабатывающей промышленности в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2003–2007, 2008–2012 и 2013–2018 гг. (в % к предыдущему периоду)

Примечание: темно-серым цветом обозначены показатели стран, входящих в ЕС; светло-серым – неявляющихся членами ЕС.

Составлено по: данные Всемирного банка. data.worldbank.org.

Роль вторичного сектора в экономическом развитии страны принято оценивать по его доле в структуре ВВП (см. рис. 2.2 и 2.3). Мы рассмотрели динамику удельного веса обрабатывающей промышленности в структуре ВВП стран региона в XXI в., что позволило подтвердить признаки реиндустриализации в большинстве из них. Впрочем, известно, что на заключительном этапе социалистической индустриа-

лизации в связи с отсутствием конкурентоспособной сферы услуг доля вторичного сектора в ВВП и занятости в странах — членах СЭВ достигала 35–50%. Дальнейший процесс замещения вторичного сектора третичным, в структуре которого практически отсутствовали отрасли «экономики знаний», не привел к возникновению условий перехода к постиндустриальной стадии развития. Посткризисная реиндустриализация, фиксируемая за счет положительной динамики абсолютных и относительных показателей, очевидно, не сможет компенсировать «отката» в период деиндустриализации 1990-х гг. Однако мы убеждены, что в этом нет необходимости — таргетирование показателей индустриального роста не должно являться самоцелью, в отличие, например, от улучшения качественных характеристик функционирования национальных промышленных систем¹³.

Важно отметить, что страны ЦВЕ и ЮВЕ обладают разными стартовыми условиями и предпосылками к реиндустриализации. Потенциал роста относительных показателей в странах, где доля обрабатывающей промышленности в ВВП превышала накануне кризиса среднеевропейскую (20–25% в Чехии, Словакии, Словении и Румынии против 15% в Евросоюзе в целом), очевидно, был иным, нежели в странах с «очаговым» промышленным ландшафтом (5% — в Албании, 10% — в Северной Македонии и Боснии и Герцеговине).

На рис. 2.2 представлены данные по шести странам региона, для которых в конце 2010-х гг. был характерен тренд на снижение доли обрабатывающей промышленности в ВВП. В Венгрии и Польше данный тренд наблюдался в 2015–2016 гг. после ряда лет, когда доля обрабатывающей промышленности повышалась, в связи с чем анализируемую ситуацию следует назвать *возвратной деиндустриализацией*. Однако в Польше, в отличие от Венгрии, в посткризисный период фиксировался относительно устойчивый рост абсо-

13. Лобанов М. Промышленность стран ЦВЕ и ЮВЕ в 1990–2015 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 2. С. 74–84.

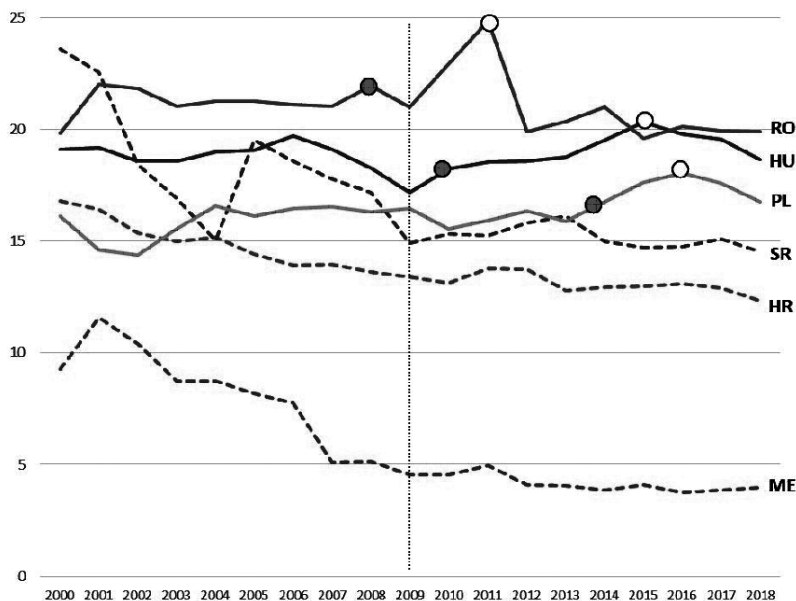

Рис. 2.2. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2000–2018 гг. (первая группа стран; в %) *Примечание:* пунктирная линия — страны, характеризующиеся устойчивым трендом деиндустриализации; серая точка — начало процесса реиндустриализации; белая — возвратной деиндустриализации. *Составлено по:* данные Всемирного банка. data.worldbank.org.

лютных показателей промышленного производства — следовательно, сфера услуг росла опережающими по сравнению с промышленностью темпами¹⁴. Значения как относительных, так и абсолютных показателей свидетельствуют о том, что в Румынии также происходит процесс деиндустриализации, только начался он раньше (в 2012 г.) — в связи с политической нестабильностью, оказавшей влияние на экономическую активность населения и повысившей уровень инвестиционных рисков.

В трех балканских странах (Сербия, Хорватия, Черногория) доля обрабатывающей промышленности в ВВП

14. Там же.

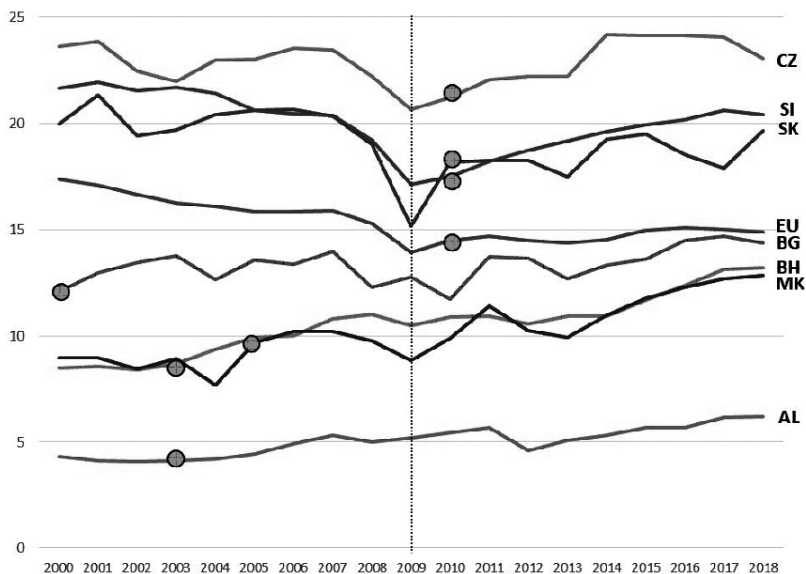

Рис. 2.3. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП в странах ЦВЕ и ЮВЕ в 2000–2018 гг. (вторая группа стран; в %) *Примечание:* серая точка – начало процесса реиндустриализации. *Составлено по:* данные Всемирного банка. data.worldbank.org.

неуклонно снижается с начала 1990-х гг., причем Черногория по этому показателю уже находится в одном ряду с наименее развитыми странами Африки и Океании. Можно предположить, что *устойчивая деиндустриализация* в Черногории и, с некоторыми оговорками, в Хорватии не воспринимается в качестве системного риска руководством этих стран, доходы в которых генерируются во многом за счет эксплуатации природно-климатических ресурсов¹⁵.

Восстановление значимости промышленной политики в Евросоюзе после кризиса конца 2000-х гг. дает определенные плоды: протекционистские меры и действия по стиму-

15. Опасность заключается еще и в том, что приближение к критически низкому уровню промышленного развития приводит к труднообратимым последствиям для национальной конкурентоспособности: ориентация на нетребовательные к квалификации рабочей силы сервисные отрасли, такие как гостиничный или ресторанный бизнес, постепенно снижает научно-образовательный и, соответственно, инновационный потенциал стран.

лированию производственной активности в ведущих европейских индустриальных державах позволили остановить уверенное падение доли обрабатывающей промышленности в ВВП ЕС (см. рис. 2.3). После «провального» 2009 г. обнадеживающие признаки *реиндустриализации* фиксируются в таких разных по принципам промышленной организации странах, как Чехия, Словакия и Словения (в последних двух рассматриваемый показатель к 2019 г. вырос на 5 п.п.). Вместе с тем в среднесрочной перспективе можно прогнозировать плавное снижение данного показателя в Чехии, которая, по нашему мнению, уже достигла «естественного» предела значений удельного веса обрабатывающей промышленности в ВВП для среднеразвитых диверсифицированных рыночных экономик (около 25%).

Что касается указанных на рис. 2.3 государств ЮВЕ, то их объединяет ряд общих признаков, что позволяет нам выделить их в отдельный подтип – страны *вторичной (рыночной) индустриализации* (по аналогии с «первичной / пионерной» социалистической индустриализацией). Во-первых, они характеризовались катастрофическим по масштабу и более продолжительным по сравнению со странами ЦВЕ сокращением объемов промышленного производства после распада социалистической системы: в Болгарии в 1990–1995 гг. они снизились в 6 (!) раз, в Албании – в 3 раза, в Северной Македонии – в 2 раза¹⁶. Таким образом, опорный каркас промышленности им пришлось создавать заново, поэтому мы предполагаем вторичный характер индустриализации. Во-вторых, этап создания промышленности «с нуля», как и ожидалось, характеризовался высокими темпами роста (в Болгарии в меньшей степени). В-третьих, процесс реиндустриализации в Албании, Болгарии, Северной Македонии, Боснии и Герцеговине начался еще в первой половине 2000-х гг. и никак не связан с посткризисным «промышленным ренессансом» в Европейском союзе.

16. Лобанов М. Указ. соч. С. 74–84.

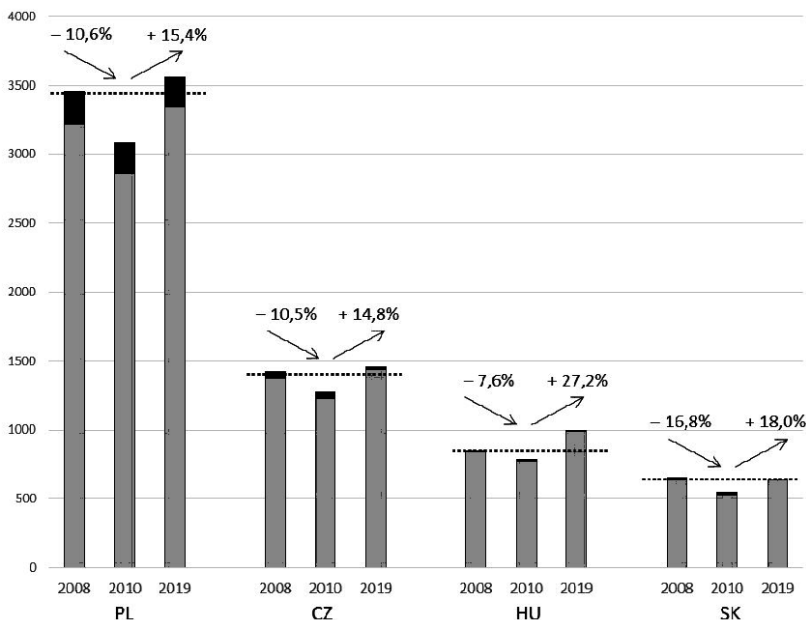

Рис. 2.4. Динамика численности занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности стран Вишеградской группы (млн чел.)

Примечание: черным цветом обозначена занятость в добывающей промышленности.

Составлено по: данным Евростат. ec.europa.eu/eurostat.

Хозяйственный кризис конца 2000-х гг. стал серьезным испытанием для рынков труда стран ЦВЕ и ЮВЕ. Впрочем, последствия рыночных реформ начала 1990-х гг. оказали большее влияние на их стабильность: к примеру, занятость в промышленности Польши только за 1990–1993 гг. сократилась на четверть.

Как следует из данных, представленных на рис. 2.4 и 2.5, государства Вишеградской группы в целом справились с напряженностью на рынке труда лучше, чем страны ЮВЕ. Во-первых, страны различались по глубине спада: тогда как, скажем, в Венгрии или Польше занятость в промышленности в активной фазе кризиса снизилась на 8–10%, в большинстве

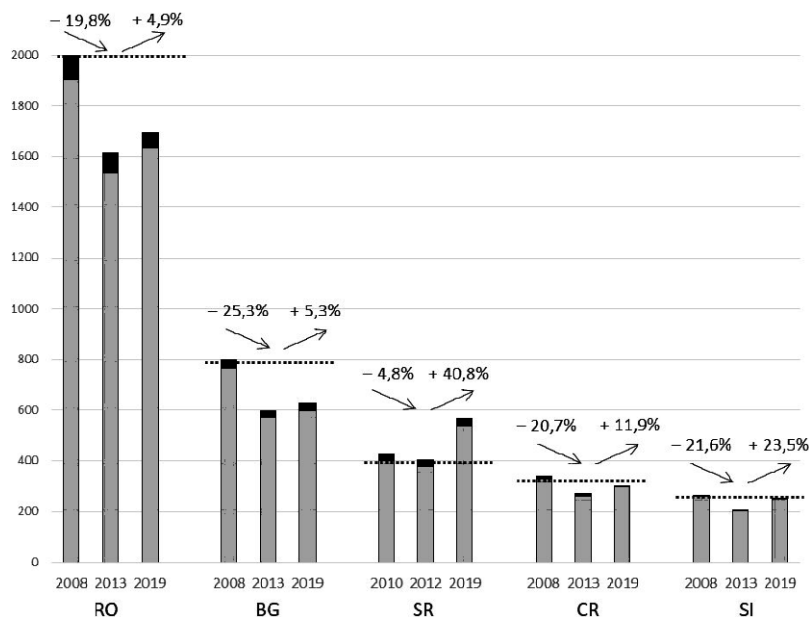

Рис. 2.5. Динамика численности занятых в добывающей и обрабатывающей промышленности стран Юго-Восточной Европы (млн чел.)

Примечание: черным цветом обозначена занятость в добывающей промышленности.

Расчитано по: данные Евростата. ec.europa.eu/eurostat.

стран ЮВЕ — на 20–25%. Во-вторых, длительность спада в странах Вишеградской группы была заметно меньшей: минимальное число занятых в промышленности Польши, Чехии, Венгрии и Словакии было зафиксировано в 2010 г., тогда как почти во всех странах ЮВЕ — в 2013 г. В-третьих, в первой группе стран предкризисные показатели занятости были превышены уже в середине 2010-х гг. (за исключением Словакии), тогда как среди государств второй группы такими успехами может похвастать лишь Сербия. В 2019 г. в румынской промышленности было на 16% меньше рабочих мест, чем в 2008 г., а в болгарской — на 21%. Динамику занятости в значительной степени определяет обрабатывающая про-

мышленность. Роль добывающих отраслей неуклонно снижается, несмотря на принимаемые в ряде государств меры по сохранению рабочих мест на предприятиях, многие из которых являются убыточными, но выполняют градообразующие функции. В большинстве стран региона доля добывающих отраслей в структуре занятости в промышленности не превышает 1–3%, однако есть и исключения – Польша, Болгария, Сербия (по 5–6%) и Черногория (9%)¹⁷.

Сокращение числа «синих воротничков», вызвавшее напряженность на рынках труда в конце 2000-х – начала 2010-х гг., было тесно связано с процессом *бэкшоринга* (*возвратной релокации*) – перемещения активов промышленных предприятий из страны-реципиента инвестиций обратно в страну происхождения материнской компании. В период кризиса усилился процесс переноса производственных мощностей из стран ЦВЕ и ЮВЕ в страны происхождения капитала (Германию, Италию, Австрию и пр.), так как конкурентные преимущества восточноевропейских рынков перестают быть для предпринимателей очевидными. Одной из основных причин является сокращение разрыва в уровне оплаты труда и издержек в целом, поэтому в процесс бэкшоринга вовлекаются преимущественно трудоемкие производства (в том числе и некоторые машиностроительные). Кроме того, нельзя не отметить и участвовавшие в рассматриваемый период случаи «обычной» релокации производств из стран ЦВЕ и ЮВЕ, например, в Азию или Северную Африку.

Исследователи причин и следствий кризиса в странах ЦВЕ и ЮВЕ, как известно, сходятся во мнении о «привнесении» нестабильности на местные рынки с рынков экономически более развитых европейских держав, тесно связанных с регионом торгово-инвестиционными отношениями. Между тем, дискуссионными остаются вопросы о продолжительности и глубине кризиса, его латентных проявлениях, а также

17. В первую очередь их объединяет наличие угледобывающей промышленности, характеризующейся высокой трудоемкостью производственных процессов.

перспективах ослабления зависимости от традиционных торговых партнеров. Статистические данные Евростата свидетельствуют о высоком уровне зависимости государств региона от рынков стран ЕС и после кризиса, что не согласуется с распространенным в начале 2010-х гг. в экспертной среде прогнозом о неизбежной диверсификации территориальной структуры их товарооборота. По доле ЕС-27 в товарообороте среди стран – членов Евросоюза в 2019 г. лидировал Люксембург, но сразу за ним располагались пять государств ЦВЕ и ЮВЕ – Словакия, Чехия, Венгрия, Хорватия и Румыния (все – с показателем 73–77%). Польша, Словения и Болгария также находились в первой половине списка наиболее ориентированных на «внутриевропейский» рынок стран – членов ЕС (65–70%)¹⁸.

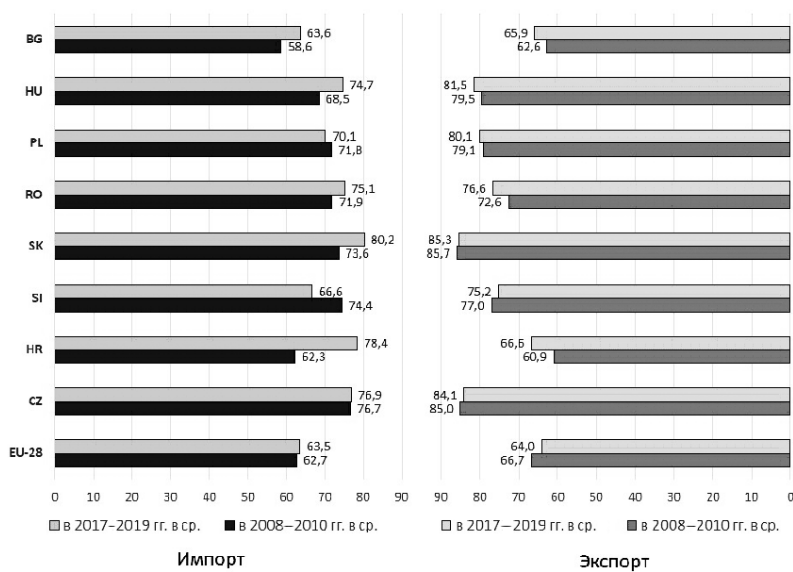

Рис. 2.6. Доля ЕС-28 в территориальной структуре экспорта и импорта стран ЦВЕ и ЮВЕ в 2008–2010 гг. и 2017–2019 гг. в среднем (%)

Рассчитано по: данные Евростата. ec.europa.eu/eurostat.

18. International trade in goods / Eurostat Statistics Explained, March 2020. ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/International_trade_in_goods.

При расчете средних значений удельного веса ЕС-28 в экспорте и импорте стран региона за 2008–2010 и 2017–2019 гг. (см. рис. 2.6) выяснилось, что в торговле большинства стран позиции Евросоюза не только не ослабли, но и заметно укрепились. Следует отметить эффект от вступления стран в Евросоюз: в Хорватии доля ЕС-28 в экспорте выросла на 6 п.п., а в импорте – на 16 п.п., в Румынии – на 4 и 3 п.п., в Болгарии – на 3 и 5 п.п. соответственно. В импорте Словакии и Венгрии доля ЕС в посткризисный период также выросла (на 7 и 6 п.п. соответственно), что косвенно свидетельствует о производственной активности европейских ТНК на их территории. Единственной страной региона, где Евросоюз «потерял» свои позиции как в экспорте, так и в импорте, является Словения.

Проведенный нами анализ статистических данных Всемирного банка и Евростата показал, что промышленность в странах региона развивается по весьма разнообразным траекториям. Некоторые страны характеризуются благоприятными перспективами реиндустриализации, а кризисные явления лишь оказали временный сдерживающий эффект, в других же снижение производственной активности углубило системные проблемы и ускорило процесс деиндустриализации. Более того, динамика ряда показателей является косвенным подтверждением того, что их руководство сознательно устраняется от проблемы «вымывания» промышленности из национальной экономики, несмотря на заявления о безусловном движении «в фарватере» официального Брюсселя.

С целью оценки степени влияния кризиса на вторичный сектор стран ЦВЕ и ЮВЕ мы рассмотрели темпы прироста в обрабатывающей промышленности в предкризисный, кризисный и посткризисный периоды. Объяснены межстрановые различия по изменению удельного веса промышленности в ВВП за двадцатилетний период, основываясь на которых (с учетом динамики абсолютных показателей) можно выде-

лить несколько типов развития вторичного сектора – реиндустриализацию, вторичную (рыночную) индустриализацию, устойчивую деиндустриализацию и возвратную деиндустриализацию. Сопоставление данных по динамике занятости в промышленности с конца 2000-х гг. позволило дифференцировать страны ЦВЕ и ЮВЕ по глубине и продолжительности кризиса на национальных рынках труда и сделать вывод о том, что некоторые из них уже восстановились к середине 2010-х гг.

Специфика моделей развития промышленности во многом обусловлена характером вовлечения в международное разделение труда и выступает «проекцией» отраслевой и территориальной структуры товарооборота. В этой связи для оценки возможных структурных сдвигов во внешней торговле (в связи с распространенной после кризиса гипотезой о выгодах снижения зависимости государств ЦВЕ от европейских стран-партнеров) мы рассмотрели динамику удельного веса ЕС в товарном импорте и экспорте. Подтверждаемой статистически переориентации стран ЦВЕ и ЮВЕ с традиционных рынков на новые не происходит – в посткризисный период Евросоюз сохранил или даже усилил свои позиции в торговле большинства государств региона. Правда, в самые последние годы, особенно в 2019 г., обнаружились понижающие тенденции в большинстве стран в динамике ВВП, в меньшей степени – промышленности и в большей – во внешней торговле. Можно предположить, что это стало следствием кризиса в Европейском союзе, обострившегося еще до начала пандемии коронавируса, которая привела к приостановке хозяйственной деятельности в 2020 г. и ввергла весь мир в глубокую экономическую рецессию.